

УДК 801.3

UDC 801.3

**ТЕРРИТОРИАЛЬНО ОГРАНИЧЕННАЯ
ЛЕКСИКА В ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ
ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ XIX ВЕКА**

**THE TERRITORIAALLY LIMITED LEXIS IN
THE SONG TEXTS OF THE OLONETS
PROVINCE OF THE XIXth CENTURY**

Холтобина Анастасия Сергеевна
аспирант кафедры русского языка
*Курский государственный университет,
Курск, Россия*
anastasiyahol@mail.ru

Kholtobina Anastasiya Sergeevna
aspirant of the department of Russian language
Kursk State University, Kursk, Russia

anastasiyahol@mail.ru

В статье рассматриваются диалектные единицы, вычлененные из корпуса песенных текстов Олонецкой губернии XIX века. Автор распределил выявленные единицы по структурным лексическим классам. Исследование призвано в определённой мере расширить границы проекта «Словаря языка русского фольклора», активно разрабатываемого представителями курской школы лингвофольклористики

The article deals with the dialectal units found in the case of the song texts of the Olonets province of the XIXth century. The author divided the revealed units into the structural lexical classes. The aim of the work is to expand to a certain extent the borders of the "Dictionary of the Language of Russian Folklore", actively developed by the representatives of Kursk lingvofolkloristics' school

Ключевые слова: ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКА,
ЯЗЫК ПЕСНИ, ДИАЛЕКТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Keywords: LINGVOFOLKLORISTICS,
LANGUAGE OF SONG, DIALECTAL UNITS

Анализ употребления территориально ограниченной лексики в произведении устной народной поэзии предпримем с постановки одной из первостепенных проблем лингвофольклористики, которая заключается в изучении специфики языка фольклора в его отношении к литературному языку и народным говорам.

Вопрос о взаимосвязи устно-поэтической речи с речью литературной находит обоснованный почти единогласный ответ: «язык народной словесности – и лоно литературной речи, особенно языка художественной литературы, и постоянный подпитывающий её источник» [19, 109]. Реакция же на соотношение устно-поэтической речи и речи диалектной обнажает оппозицию двух точек зрения.

По мнению ряда исследователей, язык фольклора – функционально-стилевая разновидность диалекта. А.П. Евгеньева, высказывая своё понимание проблемы «язык фольклора – диалект», отмечала следующее: «Совершенно необходимо и закономерно изучение языка фольклора именно в плане изучения народных говоров... Грубая ошибка отрывать

фольклор от этой живой среды и рассматривать его как нечто “общее”, особое» [5, 53]. Язык фольклора предстаёт в основном живым современным диалектом, в области которого живёт произведение, поднятым на высокую ступень художественности [2, 6].

Полярная позиция заключается в утверждении того, что язык фольклора носит наддиалектный характер (см., напр.: [10]). Наддиалектность подразумевает языковое единство представителей разных территориальных диалектов, предельную обобщённость форм, относящуюся практически ко всем уровням языковой системы [12].

Вопрос соотношения языка фольклора и диалектной речи, став одним из ключевых в работах курских лингвофольклористов, нашёл своё разрешение в монографии С.П. Праведникова «Основы фольклорной диалектологии», в которой была обоснована целесообразность выделения специальной научной дисциплины. Язык русского фольклора представляется как функционально-стилевая разновидность диалекта, генетически связанная с диалектно-бытовой речью и отличающаяся от последней своей функцией и жанровой дифференциацией. Функция и жанровая дифференциация способствуют появлению в русской устно-поэтической речи отдельных языковых элементов, характерных только для этой разновидности речи, а также изменению сочетаемости элементов, что свойственно всем разновидностям диалекта. В связи с тем, что отличия невелики и непринципиальны, нет основания считать язык фольклора наддиалектным явлением [11].

Впервые предположение о территориальной неоднородности фольклора предстало аргументированным и очевидным в процессе сбора народно-поэтических текстов. В поддержку диалектной основы устно-поэтического слова выступали, в том числе, прикладываемые собирателями и ценителями народной поэзии небольшие по объёму словари местных или малопонятных слов, которые были призваны помочь

в точном прочтении текста и в передаче общего колорита, характерного для каждого конкретного региона. По мнению А.П. Евгеньевой, «язык устной поэзии – это живой язык для творцов и носителей её, а не пришедший извне или “спустившийся сверху” и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем – не внешняя, позднейшая оболочка, а органическая, неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны» [6, 339].

Наша задача – исследовать своеобразие использования диалектной лексики в лирическом произведении. Анализ будет проведён на материале словника, составленного на основе 114 текстов необрядовых лирических песен, записанных в Олонецкой губернии в XIX в. и включённых в семитомный свод «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского.

Критерием отбора диалектной лексики в нашем исследовании явилось наличие той или иной лексемы в «Словаре русских народных говоров», который представляется нам самой авторитетной базой для идентификации диалектного слова. Как известно, в перечень материалов, на основе которых составляется Словарь, вошли многочисленные фольклорные источники (в том числе «Сборник песен А.И. Соболевского»), из которых отбирается не лексика устного народного творчества вообще, а диалектные слова, встречающиеся в языке произведений фольклора. Включение в состав Словаря диалектной лексики из произведений фольклора считается обязательным. По мнению составителей, «неучёт народно-песенного языка как одного из источников сведений по диалектной лексике привёл бы к исключению из состава Словаря важных звеньев лексико-семантической системы русских диалектов, к искажению картины территориального распределения большого числа лексем» [8, vii].

В качестве дополнительного материала нами также привлекались следующие издания: «Словарь областного олонецкого наречия в его

бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского, который в 1885 году «стал собирать слова и выражения Олонецкой губернии» [9, I]; «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей»; «Словарь говоров Русского Севера»; а также «Словарь местных слов», завершающий каждый из томов издания А.И. Соболевского. Поскольку «Словарь русских народных говоров» ещё не завершён, для анализа отдельных слов нами использовался «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

В работе мы придерживались классификации диалектных единиц, которая была предложена составителями «Словаря русских народных говоров». В инструкции для составления Словаря О.Д. Кузнецова и Ф.П. Сороколетов поясняют, что в словарном составе диалектов выделяются четыре структурных лексических класса: 1) лексические диалектизмы; 2) семантические диалектизмы; 3) диалектные словосочетания; 4) фразеологические диалектизмы [8, v].

В соответствии с данными этих словарей, в анализируемом словнике нами выделено 568 диалектных единиц, что составляет 20% словника (служебные слова нами не учитывались). Соотношение лексических классов выглядит следующим образом: лексические диалектизмы составляют 62,5% выявленных диалектных единиц, семантические – 24,5%, диалектные словосочетания – 11% и фразеологические диалектизмы – 2%.

Остановимся на характеристике двух первых структурных лексических классов из числа заявленных.

В уже цитируемой нами Инструкции для составления «Словаря русских народных говоров» выделяются четыре подкласса лексических диалектизмов [8, v–vi]. Каждый из этих подклассов представлен в исследуемом корпусе песенных текстов.

1. Слова, корни которых отсутствуют в литературном языке: *бухры* ‘бахрома (?)’ [15, 3, 325]; *возжуплять* ‘петь (о соловьях)’ [15, 5, 23]; *кукомоя* ‘неопрятный человек; неряха’ [15, 16, 43]; *курвяжник* ‘развратник’ [15, 16, 114]; *морхи* ‘бахрома кисти на одежде, ткани’ [15, 18, 279]; *неумоя* ‘грязный, невымытый человек’ [15, 21, 194]; *плёшник* ‘распутник, бабник’ [15, 27, 138]; *плутиво* ‘род поплавка’ [9, 83]; *придрокушка* ‘нежная забота, ласковый уход за кем-л.’ [15, 31, 195]; *рамень* ‘опушка леса’ [15, 34, 96]; *уварахтаться* ‘упасть’ [16, 4, 721]; *уторинка* ‘нарезка в деревянной посуде для вставки дна’ [16, 2, 587]; *учучкаться* ‘запачкаться’ [9, 126] и др.

Толкование таких лексем в большей степени затруднено. Приведём примеры их употребления в песенном тексте. Попутно заметим, что почти все лексемы из представленного перечня диалектных единиц в исследуемом фольклорном отрезке единичны. Исключение составляют лексемы *бухры* и *морхи*, употреблённые дважды в силу повторения песенной строки, а также лексема *рамень*, отмеченная нами в двух песенных текстах.

*Я принес тебе обновки: / Черну шубу с соболям,
Чеверики со кистям ... / Платье с бухрам и с морхам,
Платье с бухрам и с морхам, / Шапку с розовым цветом...*
(3, 4, 417);

*Что на том-ли-то на кусточке сидел соловейко.
Соловеюшко жалко возжупляет... (3, 5, 205);
Все девки беленьки, / Все-то румяньки.
Одна – кукомоя, / Дарья неумоя:
Учучкалася, уварахталася... (3, 4, 218);
Встречала, привечала молодая жена:
«Поди, плешник, домой, поди, курвяжник, домой!
Поди, пьяница, домой! поди, пропоцца, домой!.. (3, 2, 422);*

*Прознали про белуженьку / Молоды ловцы Захарьевцы;
Поладили шелковы невода, / Клали плутевья серебряныя...*
(3, 5, 47);

*Попляшите-ка, девушки, / Поиграйте-ка, голубушки...
Пока волюшка батюшкова, / Придрокушка матушкина!..*
(3, 2, 128);

*Я ходила по **раменью**, / Набрала беремя каменью...
Хожу я по **раменью**, / Наберу я кошель каменью... (3, 3, 137/138);
Сидит баба на печке, на лавочке;
Растворяла квашонку на доньшке,
На доньшке, на **уторинке**... (3, 2, 423).*

2. Слова с корнями, известными в литературном языке, отличающиеся формантами: *бессчастный* ‘несчастный’ [13, 1, 109]; *братъца* ‘братцы’ [15, 3, 167]; *воротечка* ‘ласк. Воротца’ [15, 5, 119]; *впусте* ‘попусту, без толку, без пользы’ [15, 5, 181]; *едать* ‘есть, кушать’ [15, 8, 319]; *завсегда* ‘всегда’ [15, 9, 342]; *купчик* ‘купец’ [14, 3, 61]; *ночьсь* ‘ночью’ [15, 21, 300]; *повырасти* ‘вырасти, подрасти’ [14, 4, 601]; *подщеголье* ‘щёголь’ [15, 28, 260] и др. Подобного рода диалектные единицы дают возможность исследователю выявлять словообразовательные потенции лексем.

3. Сложные слова (представлены в меньшей степени в исследуемых песнях): слова, обе части которых известны в литературном языке – *разноличный* ‘ветренный, легкомысленный’ [15, 34, 40], *самоволька* ‘самовольный, своенравный человек’ [15, 36, 80], *самолучший* ‘самый лучший, наилучший’ [15, 36, 92]; слова, одна часть которых известна в литературном языке, а другая отсутствует в нём – *каравод* ‘хоровод’ [15, 14, 354].

4. Слова, материально схожие со словами литературного языка, тождественные им семантически, но отличающиеся незначительно

фонетическим обликом из-за реализации в нём лексикализованных фонетических процессов: *зголовице* ‘уменьш.-ласк. к зголовье; изголовье’ [15, 11, 228]; *незгода* ‘беда, несчастье, невзгода’ [15, 21, 49]; *нонешний* ‘относящийся к настоящему времени, нынешний, теперешний’ [15, 21, 276]; *поздо* ‘поздно’ [15, 28, 329]; *путра* ‘пудра’ [15, 33, 155]; *скочить* ‘вскочить, прыгнуть во что-л.’ [15, 37, 369]; *сусед* ‘тот, кто живёт поблизости, рядом с кем-л., сосед’ [15, 42, 294] и др. Фонетические и морфологические процессы, по утверждению Ф.П. Филина, «переставая быть элементами фонетической или морфологической системы, теряя свою регулярность, “растворяются” в корнях слов, таким образом становясь элементами лексики» [17, 27].

Неоднократно отмечалось, что тематические группировки лексики – важный фактор построения языковой модели мира (см., напр.: [7, 61]). В песнях диалектная лексика представлена наименованиями межличностных и социальных отношений, рода занятий (*братовья* ‘братья’ [16, 3, 507], *братьёца, свёкрушка* ‘ласк. Свёкор’ [15, 36, 232], *тятенька* ‘отец, батюшка’ [4, 4, 456], *кумушка* ‘подружка’ [15, 16, 87], *вдовка* ‘вдова’ [15, 4, 86], *сусед; бурлак* ‘рабочий на речных судах’ [15, 3, 291], *купчик, некрутик* ‘уменьш.-ласк. к некрут; рекрут’ [15, 21, 65/66], *поляки* ‘парни, уходящие из деревни на Мариинскую систему ради тяги судов’ [9, 88], *стряпеюшка* ‘ласк. Кухарка, повариха’ [15, 42, 61], др.); бытовыми понятиями (*баенка* ‘баня’ [15, 2, 42], *воротечка, гармонья* ‘гармонь’ [13, 3, 15], *задворьце* ‘уменьш.-ласк. к задворье; место за двором (дворами), позади избы (изб), где располагаются скотный двор, огород, гумна и т. д.; зады, задворки’ [15, 10, 46/48], *квашня* ‘тесто, опара’ [15, 13, 164], *косельце* ‘древко косы, косовище’ [15, 15, 48], *котёл* ‘ведро для воды’ [14, 3, 3], *кошель* ‘плетёный из бересты ранец’ [9, 42], *мех* ‘мешок’ [14, 3, 235], *погонялка* ‘кнут’ [9, 84], др.); наименованиями кушаний (*калачик* ‘хлеб (любой – чёрный или белый)’ [15, 12, 338],

мяконки ‘то же, что мягкий; любой пирог’ [14, 3, 280/282], **пшеничник** ‘хлеб из пшеничной муки’ [14, 5, 366], **ситничек** ‘уменьш.-ласк. к ситник; хлеб из пшеничной муки... // Сдобная булка’ [15, 37, 354/355], др.); многочисленными глаголами движения (**наезжать** ‘подъезжать’ [15, 19, 263], **перелетывать** ‘перелетать’ [15, 26, 143], **поезжать** ‘ехать; собираться ехать, уезжать’ [15, 28, 283], **пришатиться** ‘прийти, прибрести’ [15, 32, 66], **скочить**, др.). Наличествуют диалектные лексемы, служащие для оценки человека и его качеств: **кукомоя**, **курвяжник**, **неумоя**, **плёшник**, **простяночка** ‘уменьш.-ласк. к простянка; простодушная женщина, простушка’ [15, 32, 257], **циферь** ‘беспутный человек’ [16, 5, 644] и др.

Как известно, для диалектизмов характерны определённые словообразовательные модели. Песенная диалектная лексика представлена прежде всего разнообразными диминутивами – существительными, прилагательными и наречиями: *баенка, вербеюшка, воротечка, галуночек, голубушка, досадушка, зголовьице; басенький, еловенький, слатенький, сытенький; жалобнешенько, поскорешенько, посмелешенько, скоренько.*

Исследователи, анализирующие своеобразие семантики фольклорного слова, традиционно делают акцент на полипрефиксальности как проявлении общих свойств фольклорной поэтики (см., напр.: [19, 62–69; 7, 66]). В рассматриваемом корпусе текстов мы отмечаем полипрефиксальные глагольные лексемы, наличие которых в устно-поэтической речи служит своего рода приметой языка русского фольклора. Нами зафиксированы следующие вторичные префиксы: **из-** (*изукрасить*); **по-** с распределительным значением (*повырасти, повыстать, повысушить, поизловить, поиссушить, попромешкать*); **при-** со значениями неполноты действия или доведения действия до определённого результата (*призарыть, призасыпать, принакрыть, принапутрить*); **с-** (*сповысушить, спородить, спотешать*).

Вычленение семантических диалектизмов в фольклорном тексте сопряжено с определёнными трудностями. Произведение устного народного творчества в силу своей специфики, заключающейся в том числе в богатстве смыслового наполнения, не может и не должно подгоняться под стандартное восприятие человеком действительности. В связи с этим каждая из лексем словника нуждается в проработке.

К подобным диалектным единицам относят общенародные слова с иным, чем в литературном языке, значением. Проясним функционирование отдельных семантических диалектизмов.

Так, Словарь приводит следующее значение колоратива *жёлтый* – ‘русый, светло-русый (о цвете волос)’ [15, 9, 116].

*Уж ты, Аннушка, завей кудри,
Свет Васильевна, желтые!.. (3, 5, 777).*

По наблюдению А.Т. Хроленко, «в памятниках XI–XII вв. прилагательное *жёлтый* употреблялось только для обозначения цвета волос: *жёлтые кудри*» [18, 42].

Одними из толкований лексем *игра* и *играть* в Словаре выступают следующие: ‘гулянье молодёжи’ и ‘гулять, веселиться, проводить время в развлечениях’ соответственно [15, 12, 66/68].

*Я батюшки не боюсь ... / Играть пойду, – не спрошусь,
С игры приду, – не скажусь, / С кем гуляю, – не стыжусь!*
(3, 2, 25).

Лексема *потайной* дважды встречается в исследуемых песенных текстах. Отметим, что каждый из контекстов наделяет её «своим» толкованием: 1) ‘скрываемый от других, тайный’ [15, 30, 263]:

*Ай, да сказал первое девушке словечко:
«Не полюбишь ли ты, девушка, да меня?»
Он – другое словечко **потайное**:*

«Выйди, любушка, замуж за меня!..»... (3, 2, 157);

2) ‘закадычный, близкий’ [15, 30, 263]:

Никому-то про досаду в доме не скажу,

Я ни батюшке, ни матушке своей родной;

*Предъявлю печаль подружке своей **потайной**...* (3, 5, 367).

Наше наблюдение подтверждают примеры, иллюстрирующие в «Словаре русских народных говоров» данные толкования: *Три словечка искрытыя, Три словечка потайныя* и *Выскажу горе подружке своей потайной* [15, 30, 263].

Лексема *поляки* также проявляет себя неожиданным образом в песне:

Что с-по этой с-по дорожке много людей идут-едут,

Все купцы едут, бояра, господа, мещана;

*Позади идут **поляки** – питерски бурлаки...* (3, 6, 512).

В данном случае контекст даёт своего рода словарное толкование диалектной единицы: сочетание *питерски бурлаки* проясняет содержание лексемы *поляки*. Обратимся к изданию Г.И. Куликовского: *поляки* – ‘парни, уходящие из деревни на Мариинскую систему ради тяги судов’ [9, 88]. Мариинская водная система, являясь связующим звеном между Волгой и Балтийским морем, представляет собой систему каналов, рек и озёр на северо-западе России.

Довольно сложно, не оперируя контекстом, предугадать значение слов *вершок* ‘верх шапки’ [15, 4, 177], *гарнитур* ‘шелковая ткань, а также красный кретон’ [9, 14], *пушок* ‘опушка’ [16, 4, 720] и *рукава* ‘верхняя часть женского платья, рубашка, кокетка’ [15, 35, 245]. Параллельно приведём толкования лексических диалектизмов *галуночек* ‘уменьш. к галунок; тесьма, нашиваемая на одежду, обувь для украшения’ [13, 3, 12] и *коломенточка* ‘полосатая шерстяная домотканая материя (из которой шьют понёвы и т.д.)’ [15, 14, 169]. В песне вышеупомянутые лексемы характеризуют дары брата сестре.

*Перед молодцом девица ... / Таки брат сестру нашел.
Три подарочка принес: / Коломенточку на юбку,
Тафты на рукава, / Черну бархату на шапку,
Гарнетуру на вершок, / Галуночек на пушок (3, 4, 454).*

Расшифруем ещё один контекст, также обращающий на себя внимание обилием диалектных лексем:

*Купил Ванюшка-Ваня востру косу / Для сена покосу;
Точил Ванюшка-Ваня косу / От пяты до носа;
Садил Ванюшка-Ваня в елево косельце, / Во косельце...
(3, 3, 506).*

Лексема *пята* здесь трактуется как ‘пятка косы’ [15, 33, 217], *нос* – ‘острый конец косы (в отличие от противоположного конца – пятки, пяты)’ [15, 21, 285]. *Косельцем* называют ‘древко косы, косовище’ [15, 15, 48]. *Елевый* – это ‘еловый’ [15, 8, 389]. Имеется в виду материал, из которого изготовлено *косельце*. Полагаем, что потребность певца использовать в своём «рассказе» именно местные слова объясняется тематикой данного фрагмента, т.е. обрисовкой действий, неизменно занимавших важное место в крестьянском укладе.

Особый интерес в исследовании территориально ограниченных единиц представляет работа с диалектными сочетаниями и фразеологическими выражениями, которые в «Словаре русских народных говоров» снабжены специальными знаками: первые – \diamond , вторые – \sim . Первые трактуются как «составные наименования», которые носят в большинстве своём терминологический характер и могут состоять целиком из общенародных слов, из диалектного и общенародного, только из диалектных слов; вторые – как идиомы, «которые также могут состоять из слов литературных, но в литературном языке не составляющих фразеологизма, из слов литературных и диалектных, полностью из слов диалектных» [8, vi].

Приведём диалектные словосочетания, компонентами которых являются общенародные слова – *весёлые люди* ‘скоморохи’ [15, 4, 181], *сказать благодарность* ‘поблагодарить’ [15, 37, 364], *спать-уснул* ‘уснул кто-л.’ [15, 40, 122]:

*Ночевала в чистом поле, / В чистом поле под кусточком,
Под малиновым листочком. / Нашли люди веселые...* (3, 3, 185),
*В нынешны годы спасибо не в моды,
Ты скажи же ты нам благодарность!* (3, 4, 634),
*Танцовавиши, приустала, / Приуставиши, задремала,
Задремавиши, спать уснула, / Спать у молодца на коленях...*
(3, 2, 27);

диалектное и общенародное слово – *богоданная матушка* ‘теща’ [15, 3, 49], *в гости гостить* ‘приходить в гости’ [15, 7, 96], *круговая песня* ‘хоровая или хороводная песня’ [15, 15, 304]:

*Ох ты, теща ль, моя тещенька,
Богоданна моя матушка!..* (3, 3, 595),
Ко мне в гости гости, / Да подальше садись!.. (3, 5, 440),
Ты, луговка луговая! / Это песня круговая... (3, 3, 185);

диалектные слова – *класть (худую) славу* ‘распространять дурные слухи, ославливать’ [15, 13, 267], *набирать наборы* ‘ткать с узорами’ [15, 19, 128], *оплетать погонялкой* ‘наносить побои, сильно бить’ [15, 23, 264]:

Мил, дорожки не тори, / Худой славы не клади:
Худа славушка пройдет, / Никто замуж не возьмет... (3, 5, 378),
*Был Иванушка сынок ... / Он по фабрике гуляет,
Всяки штуки работает, / Наборы набирает...* (3, 6, 554),
Поцелует, обоймет / И погонялкой оплетет (3, 4, 760).

Фразеологические диалектизмы встречаются в олонечкой песне довольно редко. В исследуемом корпусе текстов оказались представлены

сочетания, компонентами которых выступают литературные слова – *прийти в любовь* [15, 31, 234] ‘полюбить, понравиться’ [15, 17, 238]:

Во любовь пришла невестушка... (3, 3, 595);

диалектное и литературное слово – *из карманчиков повыгрузить* ‘о чрезмерной или бесполезной трате денег’ [15, 27, 269]:

Не ты ли, Катя, высушила,

Из карманчика повыгрузила,

Пособила, Катя, денег промотать,

Ты заставила ходить-горевать?.. (3, 4, 92).

Сочетания, компонентами которых были бы диалектные слова, нами не выявлены.

Полагаем, что малое количество представленных наименований, являющихся неотъемлемой составляющей лирического текста, сполна компенсируется их выразительностью и ёмкостью в каждом из контекстов.

Помимо указанных ранее единиц нами также выделены сочетания, имеющие диалектный характер: *жена-жонка, закутить-замести, куревушка-курева, немножечко-маленько, плис-бархат, страсть-ужас, стучать-гремять, трудна-больна, хороший-баский, щипать-ломать* и др. Один из компонентов таких объёмных лексем – диалектное слово. Подобные диалектно-фольклорные образования мы вслед за рядом исследователей назовём композитами, понимая под этим термином «случаи промежуточного состояния между словосочетанием и сложным словом» [20, 167]. Композиты, выявленные в фольклорном тексте, справедливо делят на две группы: 1) композиты, примыкающие к сложным слитным словам; 2) композиты – составные слова, представляющие объединение раздельнооформленных слов [1, 57]. Подавляющее большинство встретившихся в текстах сочетаний подобного рода являются собой примеры композитов второй группы.

Таким образом, мы выявили более 560 диалектных единиц в текстах необрядовых лирических песен, записанных в Олонецкой губернии в XIX в., и отметили своеобразие использования отдельных территориально ограниченных лексем в избранном фольклорном контексте. Основная часть слов, передающих собой в песне местный колорит указанной губернии, – это лексические диалектизмы, или лексемы, закреплённые за конкретными территориями и отличающиеся по форме и по значению от единиц общенародной лексики. Ближайшей перспективой нам видится соотнесение диалектной лексики лирического и эпического жанров произведений устного народного творчества, зафиксированных на одной территории. Для сопоставления мы будем привлекать тексты былин Олонецкой губернии XIX в. Считаем, что выход не только за границы конкретного *песенного* текста, но и за рамки лирического *жанра* даст возможность увидеть помимо общего диалектного – жанрово маркированное.

Библиографический список

1. Бобунова М.А. Единицы фольклорной лексикографии (в словаре языка былины). Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
2. Богословская О.И. Язык фольклора и диалект. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1985. 72 с.
3. Великорусские народные песни: изданы проф. А.И. Соболевским. СПб.: Государственная типография, 1895–1902. Т. 2–6 (первая цифра – номер источника, вторая – номер тома, третья – номер песни).
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1991. Т. 1–4 (первая цифра – номер источника, вторая – номер тома, третья – номер страницы).
5. Евгеньева А.П. О языке фольклора // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 52–56.
6. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 348 с.
7. Климас И.С. Русское фольклорное слово: курс лекций для магистрантов: учебное пособие. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2009. 168 с.
8. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Инструкция для составления Словаря русских народных говоров // Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1994. Вып. 28. С. iv–xxxii.
9. Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898. VII + 151 с.

10. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М., 1979. С. 199–252.
11. Праведников С.П. Основы фольклорной диалектологии. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. 230 с.
12. Праведников С.П. Формирование фольклорных диалектов // Ученые записки Курского государственного университета. Серия: Филологические науки. Курск, 2009. № 2 (10). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/010-10.pdf> (дата обращения: 25.01.2013).
13. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2009. Т. 1–4 (первая цифра – номер источника, вторая – номер тома, третья – номер страницы).
14. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1994–2002. Вып. 1–5 (первая цифра – номер источника, вторая – номер выпуска, третья – номер страницы).
15. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–43). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43 (первая цифра – номер источника, вторая – номер выпуска, третья – номер страницы).
16. Соболевский А.И. Словарь местных слов // Великорусские народные песни: изданы проф. А.И. Соболевским. СПб.: Государственная типография, 1895–1902. Т. 2–6.
17. Филин Ф.П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.;Л.: Наука, 1966. С. 25–29.
18. Хроленко А.Т. Лексика русской народной поэзии (на материале лирической песни). Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1976. 64 с.
19. Хроленко А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. 229 с.
20. Хроленко А.Т. Свод русского фольклора и орфография // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1985. Т. 23. С. 163–174.

References

1. Bobunova M.A. Edinicy fol'klornoj leksikografii (v slovare jazyka byliny). Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. un-та, 2001. 152 s.
2. Bogoslovskaja O.I. Jazyk fol'klora i dialekt. Uchebnoe posobie po speckursu. Perm': Izd-vo Perm. un-та, 1985. 72 s.
3. Velikorusskie narodnye pesni: izdany prof. A.I. Sobolevskim. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1895–1902. Т. 2–6 (pervaja cifra – nomer istochnika, vtoraja – nomer toma, tret'ja – nomer pesni).
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M.: Russkij jazyk, 1989–1991. Т. 1–4 (pervaja cifra – nomer istochnika, vtoraja – nomer toma, tret'ja – nomer stranicy).
5. Evgen'eva A.P. O jazyke fol'klora // Russkij jazyk v shkole. 1939. № 4. S. 52–56.
6. Evgen'eva A.P. Oчерки po jazyku russkoj ustnoj poezii v zapisjah XVII–XX vv. M.–L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 348 s.
7. Klimas I.S. Russkoe fol'klornoe slovo: kurs lekcij dlja magistrantov: uchebnoe posobie. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-та, 2009. 168 s.
8. Kuznecova O.D., Sorokoletov F.P. Instrukcija dlja sostavlenija Slovarja russkih narodnyh govorov // Slovar' russkih narodnyh govorov. SPb.: Nauka, 1994. Vyp. 28. S. iv–xxxii.
9. Kulikovskij G.I. Slovar' oblastnogo oloneckogo narechija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii. SPb.: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1898. VII + 151 s.

10. Ossoveckij I.A. Nekotorye nabljudenija nad jazykom stihotvornogo fol'klora // Oчерki po stilistike hudozhestvennoj rechi. M., 1979. S. 199–252.
11. Pravednikov S.P. Osnovy fol'klornoj dialektologii. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2010. 230 s.
12. Pravednikov S.P. Formirovanie fol'klornyh dialektov // Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologicheskie nauki. Kursk, 2009. № 2 (10). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/010-10.pdf> (data obrashhenija: 25.01.2013).
13. Slovar' govorov Russkogo Severa / Pod red. A.K. Matveeva. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2001–2009. T. 1–4 (pervaja cifra – nomer istochnika, vtoraja – nomer toma, tret'ja – nomer stranicy).
14. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6 vyp. / Gl. red. A.S. Gerd. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgsk. un-ta, 1994–2002. Vyp. 1–5 (pervaja cifra – nomer istochnika, vtoraja – nomer vypuska, tret'ja – nomer stranicy).
15. Slovar' russkih narodnyh govorov / Gl. red. F.P. Filin (vyp. 1–23), F.P. Sorokoletov (vyp. 24–43). M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2010. Vyp. 1–43 (pervaja cifra – nomer istochnika, vtoraja – nomer vypuska, tret'ja – nomer stranicy).
16. Sobolevskij A.I. Slovar' mestnyh slov // Velikorusskie narodnye pesni: izdany prof. A.I. Sobolevskim. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1895–1902. T. 2–6.
17. Filin F.P. O leksikalizovannyh fonetiko-morfologicheskikh variantah slov v russkih govorah // Leksika russkih narodnyh govorov. M.;L.: Nauka, 1966. S. 25–29.
18. Hrolenko A.T. Leksika russkoj narodnoj poezii (na materiale liricheskoj pesni). Kursk: Izd-vo Kursk. gos. ped. in-ta, 1976. 64 s.
19. Hrolenko A.T. Lingvofol'kloristika. Listaja gody i stranicy. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2008. 229 s.
20. Hrolenko A.T. Svod russkogo fol'klora i orfografija // Russkij fol'klor: Polevye issledovanija. L., 1985. T. 23. S. 163–174.